

Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (<https://nashagazeta.ch>)

Роман Дубровкин: «В России поэзию любят как нигде» | Roman Doubrovkine : « En Russie, on aime la poésie comme nulle part ailleurs »

Auteur: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 13.01.2021.

Поэт-переводчик Роман Дубровкин (photo Nasha Gazeta)

«Наша Газета» продолжает серию встреч с интересными соотечественниками, живущими в Швейцарии. Сегодня наш собеседник – поэт-переводчик Роман Дубровкин, в 1996-2018 годах преподававший перевод в Женевском университете. Его перевод поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», написанной в 1581 году, вышел недавно в Санкт-Петербургском «Издательстве Ивана Лимбаха».

|

« Nasha Gazeta » continue une série de rencontres avec nos compatriotes en Suisse. Notre invité aujourd’hui est traducteur de prose et de poésie Roman Doubrovkine, qui a enseigné la traduction à l’Université de [Genève](#) de 1996 à 2018. Sa traduction russe du poème du Tasse « La Jérusalem délivrée » est parue chez Éditions Ivan Limbakh (Saint-Pétersbourg, 2020)

Roman Doubrovkine : « En Russie, on aime la poésie comme nulle part ailleurs »

Роман Михайлович, первый вопрос личный. Известно, что Вы родились в семье учителей. А что именно преподавали Ваши родители?

Отец преподавал историю, он был директором школы, мама – физику, мамина сестра – русский язык и литературу. И мама, и тетя всю жизнь писали стихи, а тетя даже переводила в молодости Генриха Гейне, но, разумеется, не профессионально, без надежды опубликоваться.

То есть любовь к литературе явно пришла из семьи...

Да, и филологические задатки, конечно, нельзя отрицать. Уфа, в которой я родился, была в годы моего детства городом очень своеобразным и не таким провинциальным, как это может показаться (смеется). Дело в том, что еще в XIX веке иудеи начали получать право жительства на восточной границе центральной России, вне «черты оседлости». В предреволюционные годы в Уфимской губернии возникла довольно большая еврейская община. В войну сюда были эвакуированы из Ленинграда, Москвы и Киева многие сотрудники научных учреждений, и к 1950-м годам среди городской интеллигенции насчитывалось немало евреев, в особенности учителей и врачей. Я помню время, когда к бабушке приходили странного (для меня) вида старики, говорившие на идиш и не снимавшие в помещении шляпу. На идиш часто говорили между собой мои родители.

Простите, Ваша фамилия Дубровкин - псевдоним?

Нет, это моя настоящая фамилия. Такую фамилию носили по меньшей мере три поколения моих предков, живших в белорусском Кричеве. Моя бабушка, мамина мама, знала древнееврейский. Потеряв в 1941 году на фронте сына, она впала в религиозность, стала соблюдать праздники и по пятницам молилась при свечах. Я рос любознательным и просил ее научить меня читать Тору, но на дворе было начало 1960-х годов, и ничему меня, естественно, не научили: для моего отца-коммуниста подобные уроки в случае доноса могли означать конец карьеры, а то и хуже. Еще один важный момент: отец выступал для заработка с лекциями, в том числе по пропаганде атеизма, и потому в нашей домашней библиотеке скапливалось огромное количество антирелигиозной литературы, в которой в качестве отрицательных примеров цитировались «для острастки» отрывки из Евангелия и других священных текстов. Многие пассажи из этих желтоватых брошюр я запомнил навсегда, что, думаю, помогло мне в дальнейшей переводческой работе.

Почему Вы решили поступать на переводческий факультет в городе Горьком, а не в Москве?

К 1970 году евреев в престижные столичные ВУЗы уже не допускали. Об Институте имени Мориса Тореза я не мог и мечтать, хотя и закончил школу с золотой медалью. К

1970 году евреев в престижные столичные ВУЗы уже не допускали. Об Институте имени Мориса Тореза я не мог и мечтать, хотя и закончил школу с золотой медалью. Кстати, моя уфимская английская спецшкола № 91 была очень сильной. Душой этого нового для Башкирии проекта стал Иосиф Валентинович Даватц, репатриант из Харбина, выпускник английского колледжа в китайском Тяньцзине, до войны работавший в американской нефтяной компании. Но отдали меня туда не ради английского, который начали преподавать только со следующего года, а ради единственной в городе продленки!

В Горьком я сдал английский на «пять» – вступительный экзамен принимала тоже бывшая эмигрантка, американка Евгения Ильинична Сингер, что и решило мою участь. При этом я считаю, что поступление мое было случайностью – последующие пять лет деканат не знал, что со мной делать. Переводческий факультет был нацелен на государственную службу за рубежом, и, при повсеместном официальном антисемитизме, я на эту службу попасть не мог. Учился я хорошо, закончил институт с красным дипломом, но посылать меня, как других студентов, на стажировку в Египет, Сомали или Пакистан было, конечно, немыслимо. Кормили обещаниями оставить на кафедре, но в итоге дали свободный диплом... После этого я уехал в Москву, чему был очень рад.

В институте Вы учили английский и французский?

Да, и факультативно, по собственной инициативе – на педагогическом факультете – немецкий. Уже в Москве я за довольно короткий срок выучил новогреческий в надежде получить работу в АПН (Агентство печати «Новости»). На работу меня по уже понятным причинам не взяли, но по совету моей учительницы, гречанки Катины Зорбала, я перевел знаменитый цикл Янниса Рицоса «Восемнадцать напевов горькой родины», положенный на музыку Микисом Теодоракисом. Я встречался с Рицосом в Москве и в 1977 году опубликовал свои переводы в музыкальном журнале «Кругозор». Это была моя первая в жизни публикация.

Photo (c) Nasha Gazeta

Как произошел переезд в Швейцарию и начало работы здесь?

Переезд произошел в силу случайных обстоятельств. Оказавшись в Женеве, я поступил в Женевский университет, закончил два курса, чтобы получить эквивалент диплома, и защитил диссертацию по творчеству главы французского символизма Стефана Малларме. Научным руководителем у меня был известный всем профессор Жорж Нива. После защиты я стал там же преподавать.

А когда Вы начали заниматься поэтическими переводами?

Лет в двенадцать, когда в школе задали перевести стихотворение Роберта Бернса. В институте я тоже занимался переводами, но стихийно, без подготовки и без профессиональных советчиков. В Москве с трудоустройством оказалось еще хуже, чем в Горьком, и я от безвыходности стал учителем, преподавал английский в окраинной школе. Сегодня это странно слышать, но в те годы неприятие иностранного языка, убежденность в его ненужности со стороны учеников, их родителей и других педагогов не могли не шокировать. Я понимал, что, несмотря на семейные традиции, я занят не своим делом. В свободное от школы время я пытался установить контакты с близкими мне по духу переводчиками поэзии. Я был одержим переводом стихов и хотел учиться. Познакомиться с Мастерами оказалось гораздо легче, чем я мог себе представить.

Действительно, когда читаешь Вашу биографию и узнаешь, что Ваши ранние опыты были замечены такими выдающимися мэтрами поэтического перевода,

как М. Ваксмахер, В. Левик и Л. Гинзбург, то так и хочется сказать «Старик Державин вас заметил...», а в Вашем случае – старики Державины. Как происходило общение с мэтрами? Вообще, разве можно научить поэтическому переводу?

У выдающегося переводчика с испанского Павла Грушко есть на этот счет парадоксальное высказывание: «Поэтическому переводу нельзя научить, но ему можно научиться». Старшее поколение было открыто для общения и настроено в целом благожелательно. В то время еще выходила Библиотека всемирной литературы, и Морис Николаевич Ваксмахер редактировал поэтические тома. Кто-то посоветовал мне пойти к нему и принести два-три перевода. Я так и сделал. Он их прочитал и решил напечатать – речь шла о стихотворениях Филипа Ларкина, крупного английского поэта XX века. На самом деле потребность в квалифицированных переводчиках западноевропейской поэзии была достаточно острой; издавалось огромное количество книг; дело в каком-то смысле было поставлено на поток. Утверждался план на энное количество сборников переводной поэзии, его надо было выполнять, причем на должном уровне. Несмотря на распространенное убеждение, редакторы столичных издательств искренне пытались выпускать хорошие книги. В издательстве «Художественная литература» наметился к публикации шеститомник Гейне. Я попробовал заново переложить несколько знаменитых, многократно переведенных лирических стихотворений. Благодаря этим переводам, часть которых вошла в первый том, кто-то порекомендовал меня Вильгельму Левику. Я попал к нему домой – он произвел на меня невероятное впечатление. Его величественная фигура, его картины (он был к тому же профессиональным художником), какие-то бюсты, старинные книги, сам кабинет... У меня было полное ощущение, что я пришел к Виктору Гюго.

Потребность в квалифицированных переводчиках западноевропейской поэзии была достаточно острой; издавалось огромное количество книг; дело в каком-то смысле было поставлено на поток. Утверждался план на энное количество сборников переводной поэзии, его надо было выполнять, причем на должном уровне. Несмотря на распространенное убеждение, редакторы столичных издательств искренне пытались выпускать хорошие книги. Обстановка у Левика контрастировала со спартанской простотой в доме моего главного наставника Аркадия Акимовича Штейнберга, знаменитого переводчика мильтоновского «Потерянного рая». Помимо приемов версификации я учился у него бескомпромиссности и повышенной требовательности к собственной работе. Несмотря на колоссальную разницу в возрасте между нами возникла дружба, воспоминания о которой останутся со мной навсегда.

Были ли у этих знакомств какие-либо издательские последствия?

Штейнберг, как и многие другие видные переводчики, вел семинар при Союзе писателей, но в печать никого не продвигал, о чем я, собственно, и не просил. Левик написал о моих переводах из Гейне статью для журнала «Литературная учеба». Лев Гинзбург отметил в «Литературной газете», что я «свежо, по-новому переложил труднейшие вещи» немецкого поэта (цитирую по памяти). Только постфактум я понял, что таким образом получил карт-бланш: для второго тома переводы мне уже заказывали. У меня до сих пор сохранился комплекс по отношению к Гейне, свои старые переводы я не перепечатаваю, это совершенно неподвластный поэт.

Как же у Вас, такого образованного человека, полиглота может быть

комплекс?

Первая ласточка не делает весны. Вдруг возник вакуум, я почувствовал, что мне не хватает знаний, не хватает версификационной техники, не хватает багажа. Тогда же я ушел из школы и вступил в Профком литераторов, что было формальным спасением от уголовной статьи «за тунеядство». Надо было искать заработок. Мой сверстник, Евгений Витковский, подсказал, что в Грузии готовят для внутреннего пользования библиотеку материалов по всей мировой литературе и платят по 150 рублей за авторский лист – за 24 страницы машинописного текста. С финансовой точки зрения это было спасением. Так я совершенно случайно нашел нишу – стал изучать литературу Африки и Канады и на время отказался от переводов классики.

Photo (c) Nasha Gazeta

Простите, что настаиваю, но все же - почему?

Молодежь, принадлежавшая к московскому, питерскому или иному интеллектуальному кругу, причем зачастую во втором, а то и в третьем поколении, была увлечена великими литературами, например, французской, пьянела от Бодлера или Верлена и не желала слышать ни о ком другом. Я не считал себя подготовленным к этим прославленным именам и отложил реализацию своей любви на потом. Мои африканские занятия привели к знакомству с чудесным человеком – Алемом Шакировичем Ибрагимовым, младшим другом Анны Ахматовой, редактировавшим восточные альманахи. Именно он внушил мне мысль о необходимости найти «своего» автора – поэта, освоение которого не было бы связано с издательскими сроками, поэта для перевода «в стол». «Это единственный способ, –

убеждал он, – не превратиться в литературного поденщика». Так, очень медленно, через марокканцев и амхарцев, я стал приближаться к Ронсару, к французским символистам, к Стефану Малларме, с которым провел много лет.

Надо ли обладать особым складом ума, чтобы заниматься литературным переводом?

Это очень индивидуально. Есть так называемые спонтанные переводчики, у меня же – чисто научный, структурированный подход. До начала работы я всегда изучаю критическую и аналитическую литературу о том или ином поэте, не полагаясь на собственное восприятие, даже если от некоторых стихов мурашки по спине бегут сразу.

Есть расхожее мнение, что переводчик в прозе – это раб, а в поэзии – соперник. Вы тоже так думаете?

Нет. Я не считаю, что переводчик прозы чем-то отличается от переводчика поэзии. Переводить прозу, всегда имеющую свой внутренний ритм и свои интонации, иногда труднее, чем рифмованные стихи. Принципы здесь одни и те же. Переводчик должен поставить перед собой четкую задачу, какое впечатление он хочет произвести на читателя? Хочет ли он прежде всего, чтобы его труд прочли, причем прочли так, как читают оригинальную прозу и поэзию? Александр Соломонович Големба – один из первых переводчиков, с которым я познакомился, – любил повторять: «Победителей не судят». Этому кредо я следую всю жизнь. Главное – сознательно или нет – не испортить собственный текст ради какой-нибудь, нередко ложной, идеи. Я вообще считаю, что как только в искусстве появляется «идея», она может загубить любой талант.

Вот мы и добрались до Тассо, давшего повод к нашей встрече. Вы, переводчик Роман Дубровкин, ставите перед собой цель, чтобы 600 страниц «Освобожденного Иерусалима» прочли?

Конечно, ставлю! Чтобы прочли не меня, а автора – крупнейшего итальянского поэта эпохи Возрождения. Каждой строкой своего перевода я пытался доказать, что поэма написана великим стихотворцем, виртуозно владеющим своим искусством. Единственный способ пусть не достичь, но хотя бы приблизиться к этому величию состоит в использовании всех ресурсов высокой русской поэзии. Работая над переводом, я, не стеснясь, заимствовал слова и обороты у самых разных поэтов прошлого. Многие переводчики избегают повторений, обедняя свой словарь, низводя его до собственного. В случае с Тассо, как я убедился на примере своих предшественников, подобное самоограничение привело бы к полному поражению.

Портрет Торквато Тассо работы неизвестного автора, ок. 1590 г.

За перевод отрывка из поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим» Вы еще в 2014 году были награждены премией «Мастер», присуждаемой Гильдией «Мастера литературного перевода». Почему же книга вышла только сейчас?

Уточню: книга вышла через шесть лет после премии, но через пятнадцать лет после начала работы над переводом. Вернее, через тридцать пять, если не считать

двадцатилетнего перерыва. Мой первоначальный интерес к поэме возник году в 1985-м, при составлении двуязычной антологии «Итальянская поэзия в русских переводах» (она вышла в 1992-м). Подбирая образцы существующих переводов Тассо (а их было до десятка), я обнаружил полную несостоятельность этих текстов и решил попробовать собственные силы. Для примера я выбрал эпизод из Второй Песни – вставную новеллу о двух христианских мучениках, имеющую самостоятельное значение. Перевод отрывка шел трудно, но в конце концов, видимо, удался и был напечатан в приложении к антологии.

Много лет спустя я задумался о полном переводе «Освобожденного Иерусалима», но никак не мог придумать первую строку, что меня тяготило, ведь от нее зависел дальнейший настрой. Известно, кстати, что знавший итальянский язык Наполеон указал французскому переводчику поэмы Шарлю Франсуа Леброну на неточность в его интерпретации этой строки, и переводчик ее с благодарностью исправил. Строка у меня в конце концов придумалась, и я взялся – песнь за песнью – переводить весь текст. А это почти 16 тысяч строк, правда, увлекательных, как приключенческий роман! Отрывок был опубликован в журнале «Иностранная литература», и коллеги номинировали меня на премию «Мастер», единственную, на мой взгляд, премию, присуждаемую профессионалами художественного перевода.

Принято считать, что классика является классикой, потому что темы ее вечны, всегда актуальны. Чем актуальна рыцарская поэма, написанная в 1581 году?

В России поэзию любят как нигде, поэтические чтения собирают залы, происходит истинное духовное общение. В СССР книги, в которых я участвовал, издавались тиражами от 25 до 75 000 экземпляров, ни одну сейчас невозможно найти. Тома «Библиотеки всемирной литературы» расходились полумиллионным тиражом. И молодежь до сих пор, вопреки бытующему мнению, читает стихи, поверьте мне, читает вдумчиво и неравнодушно. Я не присутствовал на вручении премии, но знаю, что, когда перед залом читали отрывки из моего перевода, слушатели тотчас же обнаружили сходство прочитанного с событиями на Украине. Кончилась церемония на ура, с призывом «Давайте жить мирно!». Люди сами находят параллели, им не нужно их подсказывать, хотя лично я считаю, что не стоит искать перекличек поэмы с современностью. «Иерусалим» – вечно живой памятник мировой литературы, и именно поэтому он не забыт после столько столетий. А спрос на такую литературу явно есть, судя по числу выпускаемых сегодня рыцарских романов.

И все-таки. Книг издается множество. Поколение, приученное их читать, постепенно уходит. Для кого же Вы переводите?

Как это ни удивительно, но и в России, и во всем русскоязычном мире существует огромное количество людей, читающих поэзию. Это уникальное явление. В интернете – в «Живом журнале» и на различных чатах – я не раз наталкивался на отзывы о своих переводах, на споры о них, на обсуждения, в которых участвуют совершенно не знакомые мне люди в далеких незнакомых городах. Внимание, уделяемое стихам и стихотворным переводам, огромное – вы посмотрите на сегодняшнее бурные дебаты в интернете о «Божественной комедии» Данте, это же невероятно! В России поэзию любят как нигде, поэтические чтения собирают залы, происходит истинное духовное общение. В СССР книги, в которых я участвовал, издавались тиражами от 25 до 75 000 экземпляров, ни одну сейчас невозможно найти. Тома «Библиотеки всемирной литературы» расходились полумиллионным тиражом. И молодежь до сих пор, вопреки бытующему мнению, читает стихи,

поверьте мне, читает вдумчиво и равнодушно.

[Жорж Нива](#)

Source URL:

<https://dev.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/roman-dubrovkin-v-rossii-poeziyu-l-yubyat-kak-nigde>